

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Корнишина Галина Альбертовна

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

(г. Саранск, РФ), g.kornihina@mail.ru

Мордовский этнос является сложным структурным образованием, которое охватывает ряд иерархических таксонов (этнотерриториальные и диаспоральные группы). Актуальной проблемой современной этнологической науки является выработка общепринятых принципов их размежевания. Объектом исследования в статье выступает одна из наиболее крупных по численности локальных групп мордвы, проживающая в Ульяновской области. Задача – на примере рассмотрения этнической структуры данной общности проанализировать основополагающие признаки, на основе которых можно аргументировано высказываться о целесообразности использования дефиниций «этнотерриториальная группа», «диаспоральная группа», «диаспора» по отношению к определенным иерархическим подразделениям этноса.

Источниковую базу составили разноплановые статистические, архивные и полевые материалы, а также интернет-источники. Теоретической основой представляемого исследования являются проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и статистический методы. Они позволили рассмотреть процесс формирования этнотерриториальных групп мордвы Ульяновской области, демографические и этнокультурные аспекты их развития на различных исторических этапах, а также современную институциональную деятельность мордовских общественных организаций и объединений.

Изучение комплекса документальных и теоретических источников дает основание утверждать, что этническая структура мордовского населения Ульяновской области включает в себя несколько иерархических таксонов. Эта локальная этническая общность как неотъемлемая часть мордовского этноса представлена в регионе в основном эрзянским субэтносом. Ее важными подразделениями являются этнотерриториальные группы, которые и сегодня сохраняют определяющие элементы самобытных культурно-хозяйственных комплексов. Мордва Ульяновской области в настоящее время позиционирует себя как диаспоральная группа посредством деятельности культурно-общественных организаций.

Ключевые слова: мордовский этнос; субэтнос; мокша; эрзя; Ульяновская область; этнотерриториальные группы; диаспора; культурно-хозяйственный комплекс.

Для цитирования: Корнишина Г. А. Этническая структура и особенности этнокультурного функционирования мордовского населения Ульяновской области // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 77–89.

Введение

Мордовский народ, численность которого в Российской Федерации в 2010 г. составляла более 744 тыс. чел.¹, характеризуется дисперсностью расселения. Около трети мордвы проживает в Республике Мордовия, значительные по количественному составу группы расселены в республиках и областях Урало-Поволжья, а также в Московской области, Сибири, Алтайском крае и за рубежом.

Мордовский народ – сложное структурное образование, которое охватывает ряд иерархических таксонов. Основным из них является сам этнос, представляющий как этническую, так и этнографическую (этнокультурную) общность. Важнейшими этническими подразделениями мордвы выступают субэтносы (мокша и эрзя), а также этнографические группы (шокша, каратаи и терюхане).

Кроме того, в структуру мордовского этноса входят этнотерриториальные и диаспоральные общности. Сегодня как в отечественной, так и в мировой науке еще не выработаны общепринятые принципы их размежевания. Тем не менее существуют

¹См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва, 2012. Кн. 1. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 27.01.2018).

основополагающие признаки, опираясь на которые, можно аргументировано использовать тот или иной термин по отношению к определенным этническим группам. К таким признакам следует отнести степень консолидации и институализации тех или иных этнических сообществ, их демографические, социально-экономические и культурные характеристики.

Базируясь на упомянутых признаках, рассмотрим этническую структуру и основные этнокультурные характеристики одной из наиболее крупных по численности диаспоральных групп мордвы, проживающей в Ульяновской области.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили разноплановые статистические материалы (Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., переписей населения советского периода, а также Всероссийской переписи населения 2010 г.), которые содержат информацию о различных аспектах структуры мордовского населения Ульяновской области. Были использованы данные из фондов Государственного архива Ульяновской области, а также материалы Научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Эти записи содержат сведения о культурных особенностях мордвы рассматриваемого региона. Современная институализационная деятельность мордовских общественных организаций и объединений Ульяновской области исследовалась при помощи интернет-источников.

Теоретической основой исследования служат традиционные методы, используемые в истории и этнологии. Проблемно-хронологический метод дал возможность изучить конкретные процессы в последовательном развитии. В общих рамках исследования рассматривались процесс формирования этнотерриториальных групп мордвы Ульяновской области, демографические и этнокультурные аспекты их развития. Сравнительно-исторический метод, в основе которого лежит реконструкция явлений путем описания и сопостав-

ления, позволил подвергнуть анализу материал, полученный в ходе изучения литературных, архивных и статистических источников. Он также сделал возможным сравнение отдельных характеристик мордовского населения рассматриваемого региона на различных исторических этапах. Кроме того, в ходе исследования был использован статистический метод, который помог количественно проанализировать информацию.

Обзор литературы

Проблема строения этносов и существования в их структуре определенной иерархии этнических и этнокультурных таксонов является одной из актуальных в этнологической науке. Она разрабатывалась Ю. В. Бромлеем, который выделил два основных типа общностей – этнические и этнографические (этнокультурные) [6, 68, 84], С. А. Арутюновым, обозначившим субэтноты и этнографические группы как структурные подразделения этноса [2, 26]. Вопросами классификации этнических и этнографических групп занимались Р. Г. Кузеев, выявивший несколько их разновидностей. В частности, он впервые ввел термин «этнотерриториальные группы», которым обозначил структурные подразделения этноса, сформировавшиеся как на его древней этнической территории, так и в других регионах. Исследователь считал, что их надо отграничивать от первичных или генетических групп этноса [13, 247].

Что касается изучения этнической и этнокультурной структуры мордвы, то основополагающей парадигмой, которую поддерживают большинство современных ученых, является представление о том, что важнейшим таксоном выступает сам мордовский этнос, являющийся как этнической, так и этнографической (этнокультурной) общностью. Его важнейшие структурные подразделения, по мнению Н. Ф. Мокшина, это мокша и эрзя, которые он квалифицирует как субэтноты, а также иерархические общности нижеследующего порядка – этнографические группы (шокша, терюхане и каратаи) [14, 30–42, 135–136].

Надо отметить, что не все исследователи согласны с определением статуса мокши и эрзи, детерминированный Н. Ф. Мокшиным. В. И. Козлов обозначает их не как субэтноты, а как этнографические группы мордовского народа [8, 7]. К. И. Козлова занимает более радикальную позицию по данному вопросу. Она считает мокшу и эрziu отдельными самостоятельными народами, полагая, что они в силу объективных исторических условий развития, так и не образовали единый народ [9, 127].

Изучение формирования и культурных особенностей этнотерриториальных групп мордвы начали в XVIII в. участники экспедиций, организованных российской Академией наук. В XIX – начале XX в. данная тематика затрагивалась А. А. Шахматовым², А. О. Гейкелем [22], Х. Паасоненом [23] и другими исследователями. В 1920–1930-е гг. исследованием мордовского населения различных территорий активно занимался, в частности, А. А. Герраклитов³.

Большой фактологический материал по территориальному расселению мордвы и различным аспектам жизнедеятельности ее локальных групп был получен во время экспедиций Института этнографии АН СССР в 1953–1969 гг. в Мордовии, Куйбышевской, Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Оренбургской, Горьковской областях, Татарии и Башкирии. Он послужил основой для создания ряда тематических сборников, а также монографии В. Н. Белицер, в которой рассматриваются территориальные комплексы традиционного мордовского костюма [5]. Кроме того, указанные экспедиции послужили толчком для дальнейшего изучения этнотерриториальных и диаспоральных групп мордовского народа. В конце XX – начале XXI в. вышли научные труды по данной тематике [15; 17 и др.].

С проблемой иерархии структурных подразделений этноса вплотную связана трактовка термина «диаспора» [16].

² См.: Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1910.

³ См.: Герраклитов А. А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII вв. Саратов, 1930; Его же. Алатырская мордва по переписям 1624 – 1721 гг. Саранск, 1936.

Если первоначально ОН означал этническое сообщество, функционирующее вне страны своего происхождения [19; 20; 21; 25; 26], то затем его стали употреблять в более широком ракурсе, например подразумевать под ним этнические группы, проживающие вне границ «титовых» республик. В связи с этим некоторые исследователи предложили дифференцировать различные типы диаспор на «внутренние» (обитающие в российских регионах) и «внешние» (функционирующие вне пределов России) [3; 18]. Данный термин интерпретируется и с точки зрения политико-правового содержания. То есть считается, что в отличие от этнической группы диаспоральное сообщество несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание, которое может проявляться в форме различных общественных институтов [6, 50]. Некоторые участники терминологического спора предостерегают от излишнего увлечения термином «диаспора» и предлагают употреблять вместо него индифферентные дефиниции – «этническое меньшинство», «постимперское меньшинство» [24, 21–25].

Отметим, что мордовские исследователи также не всегда корректно употребляют данный термин. По нашему мнению, которое впервые было высказано в одной из публикаций [11], термин «диаспора» отражает статус этнического сообщества, проживающего в определенном административно-государственном регионе и проявляющего национальную идентичность посредством организации различных культурно-общественных объединений. Последние выполняют организационные, институционализационные и координирующие функции, способствующие сохранению культурно-языковой самобытности этих групп в условиях поликультурного пространства. Что касается термина «этнотерриториальная группа», то его целесообразнее применять к традиционным локальным группам, сформировавшимся в результате процессов расселения. Данные группы до насто-

ящего времени сохраняют этнокультурную и языковую самобытность.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно первой всероссийской переписи населения, в Симбирской губернии проживали 188,9 тыс. чел. мордовской национальности (12,4 % от всего населения региона). Основными районами ее расселения были Ардатовский (74,6 тыс. чел. – 40,0 % населения), Алатырский (42,2 тыс. чел. – 26,7) и Сенгилеевский (16,3 тыс. чел. – 10,7 %) уезды⁴. К 1926 г. мордовское население в границах вновь образованной Ульяновской губернии уменьшилось до 178,9 тыс. чел., но доля в составе населения всей губернии наоборот возросла до 12,9 %. Это было вызвано, с одной стороны, изменением территориальных границ бывшей Симбирской губернии, а с другой – процессом переселения в 1920-х гг. значительного количества мордвы в регионы Сибири и Дальнего Востока [8, 48–49]. Сокращение ее численности в Ульяновском Поволжье, как и по всей стране, продолжалось и в дальнейшем: в 1959 г. – 73 017 чел.; в 1970 г. – 69 644; в 1979 г. – 64 016; в 1989 г. – 61 061; в 2002 г. – 50 229 чел. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Ульяновской области проживают 38,9 тыс. мордвы (3,1 % всего населения). Наибольшее число мордвы расселено в Николаевском – 7,2 тыс. чел. (26,6 % населения), Кузоватовском – 4,6 тыс. (20,3), Новомалыклинском – 2,9 тыс. (18,8), Инзенском – 2,8 тыс. (8,4) и Павловском – 2,2 тыс. чел. (14,7 %) районах, а также в г. Ульяновске – 7,6 тыс. чел.⁵

Формирование мордовского населения в рассматриваемом регионе происходило в течение нескольких столетий. Его западные и центральные райо-

ны являются коренной территорией расселения мордвы-эрзи, ранние археологические памятники которой в левобережном Посурье датируются VIII–X вв. Однако их количество говорит о том, что мордовское население было немногочисленным, массовое переселение в бассейн Алатыря и средней Суры началось во второй половине XVI в. Именно здесь, где впоследствии были образованы Алатырский, Ардатовский и Карсунский уезды Симбирской губернии, а также соседние территориальные единицы нижегородского края, окончательно оформилась восточная группа мордвы-эрзи. Несмотря на то, что в последующем длительные миграционные процессы на данной территории привели к смешанному характеру расселения мордвы, по сравнению с другими регионами она довольно компактно проживает среди русского населения. Причем значительная часть названных уездов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была включена в состав вначале Мордовского округа, а затем республики.

С середины XVII в. Алатырское Посурье начали активно заселять русские, в результате чего мордовское население оказалось оттесненным к лесным массивам, на окраинные территории. Это вынудило мордву к переселению в Засвияжье и Заволжье, а также на юг – в пензенско-саратовский край. В результате таких миграций сложились еще две этнотерриториальные группы мордовского этноса – пензенско-саратовская и заволжская.

Пензенско-саратовская группа сформировалась в середине XVII – середине XVIII в. на территории современной Саратовской области, южных районов Пензенской области и юго-западной части Ульяновской области (современные Николаевский, Павловский, Новоспасский, Радищевский и Старокулаткинский районы). Здесь в непосредственной близости друг от друга, а нередко и в одних селениях проживают мокшане и эрзяне.

Заволжская группа мордвы сложилась в XVII – первой половине XIX в. на землях, расположенных к востоку относительно древней этнической террито-

⁴ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Санкт-Петербург, 1904. Т. 39. С. 46–52.

⁵ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Ульяновск, 2013. Т. 4. URL: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010 (дата обращения: 27.01.2018).

рии мордвы – на левобережье Волги. Это территория Самарской области, восточных районов Оренбуржья, южных районов Татарстана и северо-востока Башкирии. К заволжской группе также относится мордовское население, проживающее в районах левобережья Ульяновской области (Новомалыклинском, Чердаклинском, Мелекесском и Старомайнском). Это была самая многочисленная этнотерриториальная группа мордвы. По подсчетам В. И. Козлова, к концу XIX в. на левобережье Волги проживало примерно 319 тыс. чел. мордовской национальности [8, 16], в то время как на основной этнической территории расселения мордвы в данный период ее насчитывалось 519,7 тыс. чел. [1, 38–39].

Таким образом, мордовское население современной Ульяновской области принадлежит к трем этнотерриториальным группам. Их представители в условиях интенсивного взаимодействия с другими народами (русскими, чувашами, татарами) устойчиво сохраняют этническое самосознание и самобытные культурно-хозяйственные комплексы, опирающиеся на многовековые традиции, которые в первую очередь определяются хозяйственной деятельностью.

Основой хозяйства мордвы вплоть до конца XX в. были земледелие и домашнее скотоводство. Возделывали рожь, овес, просо, гречиху, картофель, лен и коноплю. Наиболее распространенными орудиями обработки почвы были соха и плуг-сабан. Одно из первых описаний сабана дал участник экспедиции Академии наук 1768–1772 гг. И. И. Лепехин, который увидел его в д. Старая Бесовка (ныне Новомалыклинского района Ульяновской области). Исследователь подчеркивает, что местное население обычно использовало это пахотное орудие для разработки земли из-под леса и лугов: сабан «от сох тем разнится, что глубже идет в землю и дерет верхка на полтора глубиною»⁶. В земледелии также применялись различ-

ные по конструкции бороны, которыми рыхлили почву. Урожай убирали серпами, кроме того, с той же целью использовали деревянные грабли и вилы. Что касается домашнего скота, то его разводили главным образом для личных нужд.

Многовековые традиции земледелия и животноводства нашли отражение в обрядовой жизни мордвы. Сроки проведения обрядовых действий обуславливались сельскохозяйственными работами и делились на три периода: зимний, весенне-летний и осенний. Основным их содержанием было обеспечение хорошего урожая, приплода скота и благополучия семьи. Для этого весной совершались как общественные моления – «моление плуга» (*кереть озкс*) и др., так и семейно-родовые. Во время семейных молений обычно освящали семена, предназначенные для сева. Например, в Ардатовском уезде емкость с посевным зерном ставили на лавку, в него втыкали крест и молились об успешном севе и богатом урожае. Затем часть зерна смешивали с тем, которое предназначалось для печения хлеба, а часть – с семенным зерном⁷.

Весной совершалось также моление первого выгона скота (*ливтема-саватома озкс*). Перед его выгоном со двора на столбы ворот помещали зубы и волосы из хвоста лошади или коровы. Считалось, что в этом случае животные будут всегда возвращаться домой. Для этого же хозяйка стелила поперек ворот свой пояс [10, 84].

Скот сгоняли к месту проведения обряда, обычно к оврагу с родником. Если поблизости от села не было оврага, то для скота делали специальную траншею. По ее склонам зажигали так называемый новый огонь (*од тол*), который добывали с помощью трения. Он считался символом очищения, оберега от болезней и злых сил. После молитвы верховному богу Нишке пазу и покровителю скотоводства Велень пазу стадо прогоняли между ко-

⁶ Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Санкт-Петербург, 1771. С. 67.

⁷ Описание священниками обрядов, обычаев, сказаний, предрассудков жителей Сенгилеевского и других уездов Симбирской губернии. 1853–1857 гг. // Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 9. Д. 15. Л. 3.

страдами. С вхождением в быт мордвы христианства костры заменяли свечи, около которых ставили иконы. В обряде начал принимать участие священник, кропивший скот «святой» водой. Подобный ритуал совершали и в случае эпизоотий⁸.

Осенью проводили обряды, на которых благодарили богов за полученный урожай и просили у них содействия в будущем. Одним из самых торжественных ритуалов этого периода было сельское моление (*велень озкс*), проходившее в течение 3 дней. На нем зажигали родовые свечи (*штатолы*), устраивали обрядовые трапезы, исполняли молитвы (*пазморот*), приносили жертвы и т. д.

Мордва издревле занималась пчеловодством. Так, в с. Коченьявка Карсунского уезда (ныне Вешкаймского района) в конце XIX – начале XX в. 15 пчеловодов содержали 800 ульев⁹. Мед не только шел в пищу, использовался для изготовления напитков и лекарств, но и в больших количествах продавался. Покровителями пчеловодства у мордвы считались Нишке паз и его божественная сестра Нишке тейтерь. Моления в их честь устраивали на пчельниках. Например, карсунская мордва к этим событиям готовила большое количество медового пива (*нуре*). Богов молили о сохранении пчел, о хорошем сборе меда. В жертву им приносились первый вылетевший рой, а также белый гусь.

Традиционно мордва занималась разнообразными домашними ремеслами и промыслами: перерабатывала сельскохозяйственную продукцию, изготавливала орудия труда, посуду, домашнюю утварь, ткала холсты и шила одежду, возводила дома и хозяйственные постройки.

Жилые и хозяйственные постройки в мордовских селениях Ульяновской области обычно располагались в два ряда вдоль проезжей дороги или по обеим сторонам оврагов и балок. В регионе встречаются три вида хозяйственно-жилых комплексов, соответствующих границам

расселения этнотерриториальных групп мордвы.

У восточной группы мордвы-эрзи традиционно был распространен двухраздельный четырехстенный дом, состоявший из жилой избы и соединенных с ней сеней. Внутренняя планировка избы была среднерусской, т. е. печь располагалась у той же стены, где и дверь, и обычно отделялась дощатой перегородкой. «Красный» угол находился напротив двери. Ранее в запечье стоял самодельный шкаф (*потмар*), где содержалась кухонная утварь, а между печью и стеной делались полати. Основным внутренним убранством жилища были стол и лавки, с середины XX в. их заменила фабричная мебель. Дворы по застройке и типу связи с домом были в основном однорядными. Помещение для скота пристраивалось к избе сзади, а небольшой открытый двор огораживался сбоку.

Жилые постройки заволжской группы мордвы Ульяновской области имеют большое сходство с жилищем мордовского населения Самарской и Оренбургской областей. В заволжских селениях наряду с четырехстенными распространены пятистенные дома, которые часто имеют наружную глиняную обмазку. У них практически отсутствует внешний декор. Внутренняя планировка, как и у восточной группы, среднерусская. Наряду с однорядной застройкой у заволжской мордвы встречаются открытые дворы с плетневыми и саманными хозяйственными постройками, стоящими вне связи с домом.

В жилых постройках мордвы юго-западных районов Ульяновской области преобладают четырехстенные дома, здесь также много домов с приделами. Они имеют богатый декор – фронтоны с накладной резьбой и резными наличниками. Для жилищ этой группы характерны тесовые сени, вход в которые находится с боковой стороны дома или с улицы через крыльцо и коридор. Внутренняя планировка здесь также среднерусская. Что касается застройки двора и связи хозяйственных построек с домом, они довольно разнообразны. Преобладает покое-

⁸ Описание священниками обрядов... Л. 2.

⁹ См.: Марискин И. С., Марискин О. И. Кученяевская мордва: страницы прошлого. Саранск, 2012. С. 255.

образная застройка двора, но встречаются и открытый двор с разбросанными на нем хозяйственными постройками, а также однорядная связь и застройка двора глаголем [4, 245–246].

С каждым годом традиционные черты мордовского жилища стираются. В настоящее время жилые и хозяйственные постройки мордвы возводятся из современных материалов, с использованием новейших строительных технологий. Изменилась и внутренняя планировка жилых помещений. Повсеместно наблюдается стремление разгородить их на несколько комнат, для отделки которых используют разнообразные материалы, их обставляют современной мебелью. Двор, как правило, значительно уменьшился, а помещения для скота и птицы пристраивают обычно сзади в один ряд с домом.

Комплексы традиционной одежды мордовского населения соответствовали расселению этнотерриториальных групп. Этнические и локальные особенности в основном проявлялись в женской одежде, которая вплоть до начала XX в., сохраняла самобытность. Мужская же одежда мордвы была более унифицирована.

Основным элементом как мужского, так и женского костюмных комплексов мордовского населения Ульяновской области была туникообразная рубаха (*нанар*), которая декорировалась вышивкой, выполненной из шерстяных нитей. Она кроилась из двух полотнищ холста, перегнутых поперек, к которым пришивались рукава. У заволжской группы мордвы-эрзи была распространена рубаха мокшанского покроя, когда к центральному полотнищу по бокам пришивались две более короткие холстины. Это было вызвано непосредственными контактами мокши и эрзи на данной территории. На груди и посередине подола рубахи делали вырез, который окаймляли вышивкой. Полосы вышивки располагались также по переднему шву, спине и груди. Ширина и расцветка вышивки определялись назначением рубахи (праздничная или будничная), а также возрастом владельца.

У эрзи восточной группы и заволжской мордвы бытовала богато вышитая женская рубаха (*покай*), которая использовалась во время различных обрядов. Первый раз девушка надевала ее в год совершеннолетия, когда отправлялась на праздник «Дом пива» (*Пивань кудо*). Покай выступал и в качестве свадебной одежды. После замужества молодуха в течение года продолжала носить его по праздникам, а также ходила в нем на свадьбу к родственникам. Фольклорные материалы свидетельствуют, что он служил и похоронной одеждой девушек и молодых женщин. Так, в одной из мордовских песен, девушка, обреченная на смерть, причитает¹⁰:

Кислым молоком голову мою помойте,
Пресным молоком мое тело искупайте,
В красивый покай меня нарядите...

Важное место в женском костюмном комплексе занимала верхняя распашная одежда из холста (*руця*). Ее покрой был аналогичен крою рубахи, но имел более длинные рукава. Руця считалась в основном ритуальной одеждой, поэтому кроме вышивки ее декорировали полосками бранного ткачества, кумача, позументом, пуговицами. Носили ее, как правило, замужние женщины. Особенно разнообразным был этот элемент одежды у пензенско-саратовской группы эрзи. Здесь были распространены его различные виды, у каждого из которых имелось свое назначение. Повседневная – *истяк чинь руця* – была мало декорирована, в воскресные дни носили *руця нилесэ* (с вышивкой в 4 продольные полосы). Самыми нарядными были *руця котосо* (с вышивкой в 6 продольных полос) и *руця кавкосо* (с вышивкой в 8 продольных полос) – их надевали на свадебные гуляния и в большие праздники [5, 82–83].

Обязательным элементом как праздничного, так и будничного женского костюма был передник. У восточной группы эрзи он долгое время устойчиво сохранял архаичный тип фартука без грудки (*икельга паця*) и украшался вышив-

¹⁰ Евсевьев М. Е. Народные песни мордвы // Избр. тр. Саранск, 1961. Т. 1. С. 115.

кой и продольными полосами узорного тканья. В мордовских селах заволжских районов Ульяновской области бытовал своеобразный праздничный вид такого передника (*покрышка*), который входил в состав свадебного костюма. Его украшали нашивками из бисера, подвесками из кисточек и раковин-каури [5, 93]. У пензенско-саратовской и заволжской группы были широко распространены передники с грудкой (*запон*), которые изготовляли из тканей разного цвета. В начале XX в. появились закрытые передники с рукавами (*рукават*), которые шились из фабричных тканей разнообразных цветов.

В костюмный комплекс входило большое количество украшений. Это были нагрудные фибулы (*сюлгам*), бусы, шейные ожерелья, кольца, серьги, наkosники. Особый интерес представляют поясные украшения – набедренники, которые являлись показателями как социовозрастного статуса их владелицы, так и ее принадлежности к определенной этнотерриториальной группе. Основным их видом были массивные набедренники (*пулай, пулогай*), которые встречаются у представительниц всех этнотерриториальных общностей. Он представлял собой холщевый пояс закругленной формы (*валик*) к которому пришивалась длинная бахрома из крученых нитей.

Эрзянки заволжской группы после замужества начинали носить по праздникам своеобразный щитковый набедренник (*пулокаркс*, или *цёкокаркс*). Основу его составлял четырехугольный щиток, который уплотнялся картоном или бумагой, в прошлом, вероятно, для этого использовались кожа и луб. Лицевая часть пулокаркса украшалась вышивкой, а ниже нее располагался «наряд» из нескольких рядов цветного бисера, плоских пуговиц, раковин и позумента. Внизу прикреплялась бахрома из медных цепочек и разноцветной шерсти.

В юго-западных районах Ульяновской области массивные пулаи постепенно вышли из обихода. В качестве праздничного поясного украшения здесь бытовал узкий пояс (*лапкат*), на который наши-

вались медные и фарфоровые пуговицы, а также нити разноцветного бисера спускавшиеся на бедра. В комплект поясных украшений входил кармашек (*лакумка*), куда клали деньги, платочки и различные мелкие вещи.

Знаками принадлежности мордовок к той или иной этнотерриториальной группе являются головные уборы, выступавшие также показателями их социовозрастного статуса. Девушки носили головные повязки – обручи из луба или картона, обшитые материалом и украшенные вышивкой, бисером, монетами [5, 144–145]. После замужества женщины носили головные уборы, которые полностью закрывали волосы. Для эрзи восточной группы были характерны высокие головные уборы на твердой основе (*панго*). Их форма различалась: в Ардатском и Алатырском уездах Симбирской губернии были распространены рогообразные панго, в Карсунском и Буинском уездах – лопатообразные и полуцилиндрические.

У представительниц заволжской группы основным типом головного убора был чепец (*сорока*). Его также изготовляли на твердой основе с высоким очельем. В современных районах Ульяновского левобережья его форма была лопатообразной.

Что касается головных уборов мордовок пензенско-саратовской группы, то здесь преобладали мягкие холщовые чепцы прямоугольной формы. Они являлись как бы промежуточным видом между сорокой и мягкими головными уборами мокшанок (*панга, златной*), что было следствием тесных контактов представителей двух основных этнических групп мордвы на данной территории. Головные уборы имели определенные отличия по районам. Так, в Николаевском районе Ульяновской области они назывались *шлыган* и имели конусовидную форму. В Павловском районе головные чепцы носили название *пряс паця*. Внутри их поддерживали тонкие палочки, которые помещались вертикально и придавали двурогое очертание.

Налобники и позатыльни (задняя мягкая лопасть) головных уборов покры-

вались богатой вышивкой, которая заключала информацию о принадлежности женщины к определенной родственной группе. Она являлась знаком связи с домом предков, так как женский головной убор обычно вышивался в пору девичества. Это подтверждается тем фактом, что в доме мужа молодуха старалась не показывать вышивку налобника до тех пор, пока у нее не появлялся ребенок. Для этого головной убор спереди прикрывался рядами цепочек и жетонов, широкой налобной лентой, сложенным платком или девичьей повязкой. Таким образом, женщина старалась оберечься от неприязненного к ней отношения покровителей дома и предков супруга, которые «признавали» ее за свою только после того, как она рожала нового члена их семьи.

Мордовки скрывали вышивку головных уборов и в случае смерти кого-то из родственников. Во время похорон они повязывали на нее длинные холщовые повязки. В случае смерти взрослого человека их носили 6 недель, ребенка – 3 дня. Это по народным поверьям позволяло женщинам «замаскировать» свою принадлежность к родственному коллективу, который «посетила» смерть, так как опасность якобы угрожала всем родственникам покойного.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что разнообразие форм, способов ношения, названий, декора компонентов народной одежды мордвы, особенно женщин, отражает их принадлежность к той или иной этнотерриториальной группе.

Кроме этнокультурных характеристик, которые были рассмотрены выше, при определении статуса проживающего в Ульяновской области мордовского населения надо также иметь в виду этнополитические и социально-экономические аспекты его функционирования в рамках соответствующего территориально-административного образования, условия общения с «титულным» регионом. Анализируя жизнедеятельность этой группы мордвы с этой точки зрения, мы видим, что в данном

случае она выступает как единое сообщество, которое институционализирует свою жизнедеятельность посредством создания национально-культурных объединений. Таким образом поддерживается культурно-языковая самобытность в условиях поликультурного пространства [7; 11, 16].

С целью сохранения этнической идентификации представители мордовской диаспоры Ульяновской области создали в апреле 2000 г. общественную организацию «Ульяновская областная мордовская национально-культурная автономия». Ее учредителями выступили общественные культурно-просветительские организации «Рав» и «Лисьмапря». В ее рамках люди могут контактировать друг с другом в привычной для них этнической и культурной среде, проводить научные и культурные мероприятия, которые призваны объединить мордовское сообщество. Традиционным в работе Ульяновской областной мордовской национально-культурной автономии стало проведение областных фестивалей мордовского фольклора «Масторавань морот» («Песни Матери-Земли»), детского фольклорного фестиваля «Эрзянь моро пингедде пингес» («Эрзянские песни из века в век»).

Кроме того, в области проводятся национальные мордовские праздники: День эрзянско-мокшанского языка «Келесь народонтъ ойме»; Праздник семьи «Вейсэ кеме семья» («Вместе дружная семья»), «Роштовань кудо» («Рождественский дом»), «Тундонь ильтямонь чи» («Проводы весны»). Автономия помогает деятельности народных фольклорных коллективов, которых в Ульяновской области насчитывается около 30 (из них 13 детских). Наиболее известными коллективами являются «Комолькай», «Кальне», «Вастолга»¹¹. Иными словами, в данном случае мордовское население рассматриваемого региона проявляет себя как диаспоральная груп-

¹¹ См.: Об Ульяновской областной мордовской национально-культурной автономии. URL: http://ja-grazhdanin.ulgov.ru/nacion/nformacija/mordovskoj_nacional.html (дата обращения: 07.11.2017).

па, для которой характерна активная институционализационная деятельность. Одна из ее важных составляющих состоит в налаживании отношений с государственными и общественными структурами Республики Мордовия, которые помогают удовлетворять социально-культурные потребности представителей мордовского населения Ульяновской области.

Заключение

Этническая структура мордовского населения Ульяновской области включает в себя несколько иерархических таксонов. Во-первых, эта локальная этническая общность является неотъемлемой частью мордовского этноса, который представлен в регионе в основном представителями эрзянского субэтноса (здесь имеется лишь одно мокшанское село Шалкино в Павловском районе).

Во-вторых, важными подразделениями рассматриваемого мордовского социума являются этнотерриториальные группы. Это традиционно сложившиеся этнические сообщества, образовавшиеся в результате длительного процесса расселения и до настоящего времени сохраняющие этнокультурную и языковую самобытность. Их формирование происходило начиная со второй половины XVI по начало XX в. в пределах трех территориальных зон данного региона. Образование этих групп связано с расселением мордвы в Волго-Уральском регионе, а также с изменениями территориально-административного статуса районов ее проживания. Одной из таких групп является восточная группа эрзи. Она расселена в западной и центральной части Ульяновской области, которая ранее входила в состав Алатырского, Ардатовского и Карсунского уездов Симбирской губернии. Данная территория до настоящего времени остается наиболее компактной зоной проживания эрзи. Недаром ее значительная часть в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была включена в состав вначале Мордовского округа, а затем одноименной республики.

Две другие этнотерриториальные группы – пензенско-саратовская, расселенная в юго-западной части Ульяновской области, и заволжская, обитающая в ее левобережных районах, сформировались в результате тесных контактов мокши и эрзи. Большинство их представителей сейчас идентифицируют себя с эрзей, что явилось результатом ее численного преобладания на этих территориях. Данное обстоятельство привело к постепенному переходу мокши на эрзянский язык, а также к смене ею национальной идентичности [12, 17].

Сегодня представители всех этих групп в условиях интенсивного взаимодействия с другими народами (русскими, чувашами, татарами) устойчиво сохраняют этническое самосознание и самобытные культурно-хозяйственные комплексы. Надо отметить, что составные компоненты этих комплексов во многом сходны, особенно это относится к хозяйственной сфере. Однако имеются и отличия, которые проявляются в типах жилищ, двора, связи хозяйственных построек с домом и т. п. Наиболее ярко специфические признаки отражены в традиционном мордовском костюме (особенно женском) – наименовании отдельных компонентов, их покрое, форме и способах ношения, в наборе украшений. Особенно четко локальные различия можно проследить на примере головных уборов мордвовок.

Наконец, следует отметить, что мордовское население Ульяновской области активно позиционирует себя как диаспоральная группа, т. е. этническое сообщество проживающее в конкретном административно-территориальном образовании, что выражается посредством деятельности культурно-общественных организаций, которые реализуют организационные, институционализационные и координирующие функции. Все это способствует сохранению культурно-языковой самобытности мордвы данного региона в условиях поликультурного пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

1. Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. 412 с.
2. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. Москва: Наука, 1989. 247 с.
3. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации (формирование и управление). Ростов-на-Дону; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. 628 с.
4. Белицер В. Н. Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа: тр. Мордовской этнографической экспедиции. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 2. С. 210–247.
5. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. Москва: Наука, 1973. 216 с.
6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983. 412 с.
7. Водясова Л. П., Мартынова Е. А. Национально-культурные константы и их лингвистическая репрезентация // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 6 (26). С. 47.
8. Козлов В. И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа: тр. Мордовской этнографической экспедиции. Москва: Наука, 1960. Вып. 1. С. 5 – 62.
9. Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. Москва: Изд-во МГУ, 1964. 175 с.
10. Корнишина Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 80–85.
11. Корнишина Г. А. Структура мордовского этноса: методологические аспекты проблемы // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 10–18.
12. Корнишина Г. А. Этнические процессы в среде современного мордовского населения Заволжья // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 17–25.
13. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. Москва: Наука, 1992. 347 с.
14. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 160 с.
15. Никонова Л. И., Захватова Е. Ю., Митина В. В., Охотина Т. Н., Торопова М. М. Мордва Калининградской области / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2017. 184 с.
16. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. Оренбург, 2011. С. 33–58.
17. Щербаков А. С. Мордва Башкирского Приуралья / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2016. 280 с.
18. Ягафова Е. А. Чувашская «диаспора» на постсоветском пространстве. Самара: Изд-во ПГСГА, 2013. 180 с.
19. Ashkenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // Identität in der Fremde. Bochum: Brockmeyer, 1993. S. 106–116.
20. Cohen R. Global Diasporas: an introduction. Seattle: University of Washington Press, 1997. 240 p.
21. Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // Identität in der Fremde. Bochum: Brockmeyer, 1993. S. 117–144.
22. Heikel A. O. Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1888. Vol. 4. S. 1–332.
23. Paasonen H. Die sogenannten Karataj-mordwinen oder Karatajen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1903. Vol. 21. S. 1–51.
24. Payin E. The Disintegration of the Empire and the Fate of the “Imperial Minority” // The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics. Armonk, NY, 1994. P. 21–25.
25. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1994. Vol. 1, № 1. P. 21–39.
26. Sheffer G. Ethnic diasporas: a threat to their hosts? // International migration and security. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 263–285.

Поступила 02.05.2018, опубликована 05.09.2018

ETHNIC STRUCTURE AND FEATURES OF ETHNO-CULTURAL FUNCTIONING OF THE MORDOVIAN POPULATION IN ULYANOVSK REGION

Galina A. Kornishina,

*Doctor of History, Department of Russian history,
Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia), g.kornihina@mail.ru*

Mordovian ethnos is a complex structural community that includes several hierarchical taxons, including ethno-territorial and Diaspora groups. One of the up-to-date problems of modern ethnological science is the development of generally accepted principles for their separation. The object of the research is one of the largest local groups of Mordovian living in the Ulyanovsk region. The main goal is to study the main components of the ethnic community of the Mordovian population of the Ulyanovsk region and determine the appropriateness of using the following definitions: ethno-territorial group, Diaspora group, Diaspora in relation to its structural divisions.

The source base consisted of diverse statistical, archival and field materials, as well as Internet sources. The theoretical basis of the research being presented is problem-chronological, comparative-historical and statistical methods. They allowed to consider the formation of ethnoterritorial groups of the Mordovians in Ulyanovsk region, the demographic and ethno-cultural aspects of their development at various historical stages, as well as the modern institutionalization of Mordovian public organizations and associations.

The research of documentary and theoretical sources gives grounds to believe that the ethnic structure of the Mordovian population of the Ulyanovsk region includes several hierarchical taxons. This local ethnic community is an integral part of the Mordvinian ethnos, which is represented in the region mainly by representatives of the Erzya sub-ethnic group. Important components of this community are ethno-territorial groups, which still retain the basic elements of traditional cultural and economic complexes. In addition, the Mordovian population of the Ulyanovsk region is currently positioning itself as a Diaspora group through the activities of cultural and public organizations.

Key words: Mordovian ethnos; sub-ethnos; Moksha; Erzya; Ulyanovsk region; ethno-territorial groups; Diaspora; cultural and economic complex.

For citation: Kornishina GA. Ethnic structure and features of ethno-cultural functioning of the Mordovian population in Ulyanovsk region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 77–89. (In Russian)

REFERENCES

1. Abramov VK. Mordovian people (1897–1939). Saransk; 1996. (In Russian)
2. Arutyunov SA. Peoples and cultures: development and interaction. Moskva; 1989. (In Russian)
3. Astvatsaturova MA. Diaspora in the Russian Federation (formation and management). Rostov-na-Donu; Pyatigorsk; 2002. (In Russian)
4. Belitser VN. Overview of the Mordovian settlements and buildings of the first half of the twentieth century in areas adjacent to the Mordovian ASSR. *Issledovaniia po material'noi kul'ture mordovskogo naroda: tr. Mordovskoi ehnotograficheskoi ehkspeditsii* = Research on the material culture of the Mordovian people. Works of Mordovian ethnographic expedition. Moskva; 1963; 2: 210–247. (In Russian)
5. Belitser VN. Folk clothing of the Mordovians. Moskva; 1973. (In Russian)
6. Bromlei YuV. Essays on the theory of ethnos. Moskva; 1983. (In Russian)
7. Vodyasova LP, Martynova EA. National-cultural constants and their linguistics representation. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem* = Modern studies of social problems. 2013; 6; 26: 47. (In Russian)
8. Kozlov VI. The Settlement of the Mordovians (historical review). *Voprosy ehnoticheskoi istorii mordovskogo naroda: tr. Mordovskoi ehnotograficheskoi ehkspeditsii* = Questions of ethnic history of the Mordovian people. Works of Mordovian ethnographic expedition. Moskva; 1960; 1: 5–62. (In Russian)
9. Kozlova KI. Ethnography of the Volga region peoples. Moskva; 1964. (In Russian)
10. Kornishina GA. House and ritual in the traditional culture of Mordovian. *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniia* = Humanities: actual problems of science and education. 2012; 2: 80–85. (In Russian)
11. Kornishina GA. Structure of the Mordovian ethnos: methodological aspects of the prob-

- lem. *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniia* = Humanities: actual problems of science and education. 2015; 2: 10–18. (In Russian)
12. Kornishina GA. Ethnic processes in the environment of modern Mordovian population of the TRANS-Volga region. *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniia* = Humanities: actual problems of science and education. 2015; 4: 17–25. (In Russian)
  13. Kuzeev RG. Peoples of the middle Volga and southern Urals. The ethnogenic perspective on the story. Moskva; 1992. (In Russian)
  14. Mokshin NF. Mordovian ethnos. Saransk; 1989. (In Russian)
  15. Nikonova LI, Zakhvatova EYu, Mitina VV, Okhotina TN, Toropova MM. The Mordovians of Kaliningrad region. Saransk; 2017. (In Russian)
  16. Tishkov VA. Historical phenomenon of diaspora. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala «Ehtnopanorama» 1999–2011 gg.* = Unity in diversity: publications from the journal “Ethnopanorama” 1999–2011. Orenburg; 2011: 33–58. (In Russian)
  17. Sherbakov AS. The Mordovians of the Bashkir Urals. Saransk; 2016. (In Russian)
  18. Yagafova EA. Chuvash diaspora in the former Soviet Union. Samara; 2013. (In Russian)
  19. Ashkenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora. *Identität in der Fremde*. Bochum; 1993: 106–116. (In German)
  20. Cohen R. Global diasporas: an introduction. Seattle; 1997. (In English)
  21. Dabag M, Platt K. Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora. *Identität in der Fremde*. Bochum; 1993: 117–144. (In German)
  22. Heikel AO. Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1888; 4: 1–332. (In German)
  23. Paasonen H. Die sogenannten Karataj-mordwinen oder Karatajen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1903; 21: 1–51. (In German)
  24. Payin E. The disintegration of the Empire and the Fate of the “Imperial Minority”. *The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics*. Armonk, NY; 1994: 21–25. (In English)
  25. Safran W. Diasporas in modern societies: myths of Homeland and Return. *Diaspora*. 1994; 1; 1: 21–39. (In English)
  26. Sheffer G. Ethnic diasporas: a threat to their hosts? *International migration and security*. Boulder; San Francisco; Oxford; 1993: 263–285. (In English)

Submitted 19.03.2018, published 05.09.2018